ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Балыкина М. И.
(Нижний Новгород)

УДК 94(47).05

НЕДОРОСЛЬ В ПРОСТРАНСТВЕ

Актуальность темы определяется тем, что именно пространственная мобильность, пока недостаточно изученная сторона жизни народа, помогает существенно глубже понять социальные и экономические процессы, происходившие в государстве. Начало XVIII века в этом отношении – особенно важный период: реформы Петра I затронули все социальные и возрастные категории населения, перемещение людей по государственным и по личным причинам приобрело, как никогда ранее, массовый характер. В данной статье впервые в качестве источника по детской пространственной мобильности рассматриваются сказки (записи опросов) дворянских недорослей, проходивших смотр в Нижнем Новгороде в 1723-1725 гг. Используя в ходе исследования сравнительно-исторический метод, автор приходит к следующим выводам: около 25% недорослей, прибывших на смотр, уже имели до этого опыт передвижения на значительные расстояния – от Архангельска на севере до Астрахани на юге страны; чаще всего этот опыт имел причиной смерть отца, когда ребенок, подросток переезжал жить к родственникам; в отдельных случаях переезды были связаны с желанием отца отдать сына в обучение к успешному в карьерном плане родственнику. Передвижения некоторой части детей были вынужденными, так как после смерти родителей они не были взяты родственниками и вынуждены были скитаться по стране. Такие дети часто в итоге оказывались в монастырях, что позволяло им выжить и затем поступить на воинскую службу.

Ключевые слова: недоросль, смотр, пространственная мобильность, начало XVIII века, петровское время.

The topicality of the theme lies in the fact that the spatial mobility, which has not yet been sufficiently studied, helps to understand the social and economic processes taking place in the state. The beginning of the 18th century was an important period: the reforms of Peter I affected all social and age categories of the population. The movement of people for state and personal reasons acquired, as never before, a massive character. We consider records of surveys (skazki) of noble levies who were examined in Nizhny Novgorod in 1723–1725 as a source on children's spatial mobility. The author used the comparative-historical method of the research and comes to the following conclusions: about 25% of the levies who arrived for the inspection had already had the experience of moving long distances - from Arkhangelsk in the north to Astrakhan in the south of the country; most often this experience was caused by the death of the father, when a child, a teenager moved to live to relatives; in some cases, the relocations were associated with the desire of the father to send his son to study to a relative who was successful in his career. Some children were forced to move because after the death of their parents they were not taken by their relatives and were forced to wander around the country. Those children often came in monasteries, which allowed them to survive and then enter the military service.

Keywords: levies, muster, spatial mobility, early 18th century, Peter's time.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-7-14

Пространственная мобильность населения в разные периоды истории России в последнее время вызывает все больший интерес у исследователей. Актуальность темы определяется тем, что именно данная, пока недостаточно изученная, сторона жизни народа помогает существенно глубже понять социальные и экономические процессы, происходившие в государстве. Начало XVIII века в этом отношении – особенно важный период: реформы Петра I затронули все социальные и возрастные категории населения, страна бурлила, перемещение людей по государственным и по личным причинам приобрело, как никогда ранее, массовый характер.

Работ, существенно затрагивающих вопросы географической мобильности в России петровского времени, не так много. Среди наиболее значимых исследований можно назвать монографии Я. Е. Водарского [3], В. М. Кабузана [11], Б. Н. Миронова [13], посвященные населению России в изучаемый период. Некоторые общие положения методического характера можно почерпнуть из коллективной монографии ученых-географов «Между домом и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» [12], посвященной изучению современных процессов. Наиболее близки к теме данной статьи работы Р. Е. Азизбаевой, А. В. Захарова и А. А. Фролова, посвященные смотру дворянства 1721-1723 гг. и принципам создания информационной системы пространственной мобильности шляхетства в первой четверти XVIII века [1; 8; 9; 10]. Следует отметить, что указанные авторы используют тот же вид источников, который является основным и для нашей работы – дворянские сказки воинского смотра. Авторы рассматривают географическую мобильность шляхетства во время службы и после отставки. Вместе с тем, интересно посмотреть какова была географическая мобильность недорослей до начала службы, так как этот аспект изучения темы может более полно показать, как перемещались люди, еще не попавшие на службу и, следовательно, под почти тотальный государственный контроль петровского времени. Отдельно следует отметить почти полное отсутствие в научной литературе данных о детской мобильности в это время. Понятно, что активные преобразования, происходившие в стране опосредованно, через взрослых, отзывались и на детей. Каким образом это происходило, каковы были судьбы недорослей, оказавшихся без попечения взрослых, как они опять попадали в сферу влияния государства, какой опыт приобретали, вот те вопросы, на которые будет сделана попытка дать ответы в данном исследовании.

В статье использованы сказки (записи опросов) дворянских недорослей, проходивших смотр в Нижнем Новгороде в 1723-1725 гг. в губернской «канцелярии свидетельства мужеска полу душ и расположения полков» [16, л. 1]. Этот процесс был фактически продолжением смотра 1721-1723 гг., проводившегося в Москве. Роль этого начального этапа поступления на службу в жизни недорослей была очень велика и не исчерпывалась собственно служебными причинами. Исследователи отмечают, что чаще всего подростки впервые попадали в Москву или в губернский город, знакомились со своими сверстниками, получали общее представление о своем месте в социальной иерархии [21, с. 64]. Изучение этого ценного комплекса документов было начато автором ранее с изучения особенностей самой процедуры смотра. Таким образом, данная статья является логическим продолжением и дальнейшим развитием ранее обозначенной темы – изучения особенностей начала воинской службы провинциального дворянства в петровское время [2].

Поездка недорослей на смотр в Нижний Новгород, несомненно, для большинства из них была важным событием. Что мог увидеть недоросль во время поездки и самого смотра, какой опыт приобретал? Чтобы прибыть в Нижний Новгород из дальних местностей Арзамасского, Алатырского, Курмышского уездов зачастую требовалось не одни сутки провести в дороге, так как среднестатистическая скорость передвижения в XVIII веке составляла 5 км/ч [20, с. 603]. Неустроенность дорог, опасность нападения разбойников делали такую поездку целым приключением в жизни молодого человека. Ближе всех жили те недоросли, у которых поместья или места проживания отцов находились в Нижегородском уезде.

Прибыв в Нижний Новгород самостоятельно или в сопровождении взрослого члена семьи, недоросль направлялся в губернскую канцелярию. Она располагалась в самом центре города – в величественном каменном кремле, построенном по образцам итальянских крепостей в начале XVI в. В описываемый период времени на территории кремля и всего города видны были следы крупнейшего за всю историю Нижнего Новгорода пожара, произошедшего летом 1715 г. Внутри кремля сгорело более 300 построек разного назначения, в том числе выгорел храм Михаила Архангела, несколько монастырей и церквей, дом губернатора, губернская канцелярия, жилые дома. Кроме кремля пострадала еще половина города: выгорели практически все постройки на 3 версты от кремля вверх по р. Оке [5, с. 97]. Жители торопились восстановить деревянные жилые дома. Восстановление же каменных построек города шло медленно, так как каменных дел мастера были отправлены на строительство Санкт-Петербурга. Исходя из имеющихся данных о количестве служащих всех канцелярий Нижегородской губернии на 1721 год, а их насчитывалось 215 человек [15, л. 24-70об.], можно предполагать, что губернская канцелярия на момент смотра располагалась в большом деревянном строении. Возможно, что таких строений было не одно, так как, например, одних только подъячих в губернской канцелярии насчитывалось 79 человек, сторожей 4 человека. Все канцелярии обслуживали 52 пристава и рассыльщики [15, л. 24-70об.]. Процедура смотра занимала зачастую не один день, так как в случае объявленной болезни недоросль с сопроводительной запиской направлялся на освидетельствование к лекарю Питеру Маку, а затем повторно приходил в канцелярию. За время пребывания в Нижнем Новгороде у недорослей была возможность ближе познакомиться друг с другом, посмотреть город, вникнуть в процесс смотра и понять, что именно будет представлять собой служба каждого из них.

Вместе с тем, для части недорослей приезд на смотр в Нижний Новгород был далеко не первым опытом посещения незнакомых городов и местностей. Как следует из расспросных речей в канцелярии, некоторые подростки уже имели немалый опыт передвижения по стране.

В основном, в смотре участвовали те недоросли, которые по разным причинам не прибыли на смотр в Военную коллегию в Москву в 1721-1723 гг. Всего в источнике представлены данные по 133 человекам. По 33 из них имеются сведения об их передвижениях вне места жительства. Это 24,8 % от общего количества прибывших на смотр недорослей.

Изучение их допросных речей выявило следующую картину: у 23 из 33 человек (69,7%) перемещения были связаны со смертью отцов семейств. Дети, оставшиеся без отцов, чаще всего оказывались в семьях родственников. Так 39,1% оказались в семьях старших братьев, дядей, свойственников. 26,1% остались с матерями и жили с ними у родственников, либо жили с матерями и отчимами. 17, 4% недорослей старших возрастов (от 17 лет и старше) были либо пристроены влиятельными родственниками в службу подъячими, либо женились и перешли жить в семьи родственников по линии жены. Таким образом, 30 (87%) недорослей, оставшихся без отцов, были взяты родственниками либо обеспечены работой, дававшей возможность прокормиться. Часть из них переместились внутри Нижегородской губернии: из одной деревни в другую, из деревни в уездный город или в Нижний Новгород. Те, кто вынужден был переехать из отцовских нижегородских поместий, оказались в Симбирском уезде, в Саратове, в Астрахани, в Тарусе Московской губернии. Были и те, кто, наоборот, прибыл в нижегородские земли из других мест: из Торопецкого и Ржевского уездов Санкт-Петербургской губернии, Мценска Киевской губернии, Симбирского, Саранского и Старооскольского уездов.

Судьбы остальных 3 (13%) недорослей оказались крайне тяжелы. Рассмотрим их подробнее.

Рейтарский сын Петр Андреев сын Гучев, которому в 1723 году исполнилось 23 года, принадлежал к известному, но не богатому нижегородскому служилому роду. По словам недоросля, отец его умер на службе под городом Ригой. Вероятно, речь идет об успешной

осаде Риги в 1709-1710 гг. в ходе Северной войны, когда потери русского войска были велики не столько от боевых действий, сколько от эпидемии чумы. Во время допроса на смотре Петр не сказал, была ли жива на тот момент его мать и где он находился. По его словам, «в том де малолетстве глупостию ево сошел он к городу Архангельскому и жил там лет с 6» [16, л.19]. Остается неясным, каким образом 9 - летний мальчик мог оказаться за тысячу километров от родных мест, кто его увез, и какова была цель этого лица. Можно предположить, что Петр Гучев, оставшись сиротой, прибил к торговому обозу, идущему на север. На тот момент Архангельск переживал расцвет как крупный торговый порт, в который свозились для продажи в Европу зерно, икра, поташ, пенька и другие товары. Обратно из Европы поставлялось в основном оружие, необходимое для ведения Северной войны. Архангельск в 1708 г. стал центром обширной губернии. Торговый оборот, по сведениям С. Ф. Огородникова, в 1710 г. составлял: вывоз в Европу товаров – на 3 071240 руб., привоз из Европы – на 1606580 руб. [14, с. 143] Но в 1713 г. и позже, Петр I издал указы, запрещающие торговать с Европой через Архангельск так называемыми, «государевыми товарами» [14, с. 145]. Это было сделано для привлечения иностранных купцов в Санкт-Петербург. После 1715 г. Архангельск начал терять свои позиции в торговле, что сказалось и на уровне жизни горожан. Примерно в это же время Петр Гучев решает вернуться в родные места: «оттоле сшел во Фролищевскую пустынь что в Гороховском уезде на реке Лух и жил в той пустыни лет с 8» [17, л.19]. Флорищевская (правильное написание) пустынь располагалась в лесах примерно в 100 км к западу от Нижнего Новгорода. Пустынь была создана в середине XVII в., благодаря настоятелю Иллариону и щедрым пожертвованиям царя Федора Алексеевича она достигла расцвета к началу XVIII в. Петр I считал, что монастыри должны приносить практическую пользу государству, поэтому им поручалось обучать людей грамоте, развивать благотворительность, быть местами призрения подкидышей, увечных, инвалидов войн [6, с. 82]. Возможно, именно как сирота Петр Гучев оказался в пустыни. Известно, что в ней была богатая библиотека [6, с. II], однако за 8 лет пребывания в монастыре Петр Гучев, видимо, так и не был обучен грамоте. Об этом говорит тот факт, что к допросной речи недоросля «нижегородец Михайло Давыдов вместо Петра Гучева руку приложил» [17, л.19]. Здесь же отмечено, что не выучился он и никакому ремеслу, что заставляет предположить, что жил он при монастыре как обычный трудник. Вместе с тем, имеется и пример того, как в монастыре недоросли проходили обучение: сирота Иван Поддубский, после долгих мытарств, был отдан матерью в школу с проживанием при Воскресенском монастыре Нижнего Новгорода [19, л. 75об.].

Василий Никифоров сын Взовской, 16-ти лет, прибыл на смотр также из монастыря, из Великовражской пустыни, расположенной в 30 км от Нижнего Новгорода. Отец подростка – рейтар Никифор Взовской служил прапорщиком и был убит в Полтавской битве. Пребывание Василия в пустыни, вероятно, объясняется тем, что поместье Взовских – Караулово – соседствовало с пустыней и имело общие границы с землями монастыря. Сыскной список от 20-22 мая 1652 г. о межах земли Симонова монастыря, к ведению которого относилась пустынь, с поместьем Якова и Василия Взовских был опубликован Д. Г. Давиденко [7, с. 221-222]. Судьба Василия после смерти отца оказалась тяжелой, юноша рассказал, что «по смерти отца своего дядя ево родной Василий Афанасьев из двор его сослал силою и ничего ему от имения отца его не дал, а он Василий из малолетства ходя кормился по разным местам и на Великовражской пустыни при игумнах в келейниках, ... отца его двором дядя поступился нижегородскому подъячему Григорию Малкову.... и ныне де отца ево имеютца по разным местам пустоши, которыми и до днесь владеет означенный дядя оной Василий Афанасьев» [16, л. 46]. Таким образом, Василий Взовской остался без отца в двухлетнем возрасте и, будучи согнан со своего двора дядей, также оказался в итоге в монастыре.

Следует отметить, что для П. Гучева и В. Взовского монастыри стали спасением от нищенства и бродяжничества. Жизнь при монастырях позволила в итоге подросткам выжить и поступить на службу, найти свою социальную нишу.

Еще один недоросль, 25-летний Данила Кузьмин сын Томилин, родом из Ряжского уезда, в 5-летнем возрасте переехал с отцом в Пензенский уезд. После разорения дома «кубанскими татарами» [18, л. 21] и ранения отца, Данила не вернулся домой, а ходил по Волге и работал на стругах у разных людей, «...и ныне его Данилу нигде жить не принимают, чего ради пришел в Нижний Новгород для объявления» [18, л. 21]. Из текста документа ясно, что сам он воспринимает свое поступление на военную службу, как способ найти свое место в жизни.

Судьба сироты Ивана Изотова, родившегося в Старооскольском уезде, «хлопца черкасской природы вольного» [18, л. 25], то есть малороссиянина, была непростой. После смерти отца и мытарств по родственникам, жившим в разных местах, он оказался в услужении у квартирмейстера С. Синцова. Сначала он объявлял себя вольным черкасом, но через 6 лет жизни в услужении заявил, что отец его был рейтаром и солдатом, участвовал в Крымском, Азовском и других походах. В итоге И. Изотов был определен нижегородской канцелярией в солдаты.

Переезды недорослей, у которых отцы были живы, как правило, носили деловой характер. 3 человека переехали к влиятельным родственникам по решению отцов для обучения и удачного устройства на службу. Так, 12-летний Иван Осипов сын Арбузов, житель Санкт-Петербургской губернии, был отдан отцом свойственнику А. А. Ирецкому, прапорщику Олонецкого драгунского полка, размещенного в Нижнем Новгороде, «ради словесного учения грамоте» [18, л. 10]. Также по согласию своего отца, у служащих Олонецкого полка подпрапорщика Никулы и драгун Фрола и Лавра Шамшевых, проживал их брат, 17-летний Артемий Ефимов сын Шамшев, житель Санкт-Петербургской губернии [18, л. 91]. Сын капитана А. М. Долбилова, ассессора Свияжской провинции, 14-летний Андрей Алексеев сын Долбилов, с 1722 г. жил в Коротояцком полку у брата вахмистра А. Долбилова «для обучения арифметической науке» [18, л. 726], затем с 1724 г. стал жить у дяди Г. М. Долбилова, капитана Новотроицкого полка [18, л. 726об.].

Перемещения еще 2-х недорослей были связаны с тем, что они были определены к делам: 30-летний ядринец Максим Иванов сын Антонов был с юности определен «для усмотрения заповедным лесам и даны ему клемы» [16, л. 75об.], а 16-летний Козьма Дмитриев сын Налецкой ездил в Симбирский уезд, где помогал отцу «для хлебной нужды» [17, л. 77об.], а до этого вместе с отцом, служащим для посылок при губернской канцелярии, участвовал в розыске недорослей [17, л. 77].

Вынужденную, и в итоге бесполезную с деловой точки зрения, поездку совершили четыре недоросля из Ядрина: Федор Петров сын Ярсков, Иван Игнатьев сын Микелев, Петр Иванов сын Ярсков, Иван Матвеев сын Мартяшев. Они, как и было предписано императорским указом, поехали в январе 1722 г. на смотр в Москву. Свое прибытие записали «в золотой палате в повытье у подъячего Матвея Захарьева» [17, л. 9]. В течение 16-ти недель ядринцы вынужденно жили в Москве, ожидая определения их в службу. Так и не дождавшись решения вопроса, они в конце мая уехали домой «от голоду» [17, л. 9об.], где и проживали вплоть до августа 1723 г. В канцелярию в Нижний Новгород их доставили уже под солдатским караулом.

Один из прибывших на смотр недорослей, 25-летний Иван Сергеев сын Ладыженский, уверял, что в Москве на смотре побывал и был признан негодным к службе из-за падучей болезни. Во время возвращения из Москвы во владимирских лесах, по его словам, на него и товарищей напали разбойники и отобрали документ (отпуск). Позже на И. Ладыженского, как на помощника комиссара Алфимова, было заведено дело в собирании излишних денег с ясачных чуваш Курмышского уезда и было принято решение переписать его из дворянства в подьячие [18, л. 78-78об., л. 102-102об.]. Освидетельствование И. Ладыженского подтвердило наличие у него болезни. Вместе с тем, нередко объявление у себя падучей болезни (эпилепсии) было способом избавиться от воинской службы, что даже вызвало издание специального указа Петра I о наказании тех, кто имитирует у себя эту болезнь [19,

л.151-152]. Из документа следует, что к началу смотра И. Ладыженский имел уже большой опыт переездов при сборе ясака и во время поездки в Москву.

Таким образом, примерно четверть недорослей имела не только опыт поездки в губернский город на смотр, но и значительный опыт перемещения по стране. Безусловно, это обогащало подростков и молодых людей практическими знаниями, учило находить решения в сложных жизненных ситуациях, давало представления о географии, климате, природных особенностях разных местностей. В дальнейшем, во время службы в армии они существенно обогатят свои знания и сами послужат источником знаний для других. Можно согласиться с мнением И. В. Волковой о том, что в начале XVIII в. «Армия, наиболее подвижная и связанная с государственным аппаратом российская организация, отчасти подменяла собой еще не существовавшие средства массовой коммуникации. Подобно странствующим проповедникам, коммивояжерам и бродячим артистам, военные, которые несли на подошвах своих сапог пыль дальних странствий, утоляли информационный голод местного населения» [4, с. 48]. Условно говоря, дорога в широком смысле слова была местом, где рождался и взаимно обогащался опыт разных социальных групп населения.

Изучение пространственной мобильности подростков и молодых людей, относившихся к категории недорослей, показало, что перемещения в этой группе служилого населения были нередким явлением, причинами перемещений чаще всего были смерть отца, переезд к родственникам с целью обучения, получение места подъячего или участие в других работах, а также скитальчество малолетних детей, оставшихся без попечения взрослых членов семьи.

Список источников и литературы

1. Азизбаева, Р. Е. (2013). *Из жизни юношества в петровскую эпоху* // Труды Государственного Эрмитажа. Петровское время в лицах – 2013: К 400-летию Дома Романовых (1613-2013). Т. 70. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 10-18.
2. Балыкина, М. И. (2021). *Недоросль на смотре: к истории воинской службы в петровское время (на примере Нижегородской губернии)* // История: факты и символы. № 1 (26). С. 57-63.
3. Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII века*. М.: Наука.
4. Волкова, И. В. (2006). *Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России* // Вопросы истории. № 3. С. 35-51.
5. Гацисский, А. С. (1886). *Нижегородский летописец*. Нижний Новгород: типография Губернского правления.
6. Георгиевский, В. (1896). *Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками*. Вязники: Типо-литография С. К. Матренинского.
7. Давиденко, Д. Г. (2006). *Великовражская пустынь в XVII веке* // Вестник церковной истории. № 3. С. 208-226.
8. Захаров, А. В. (2020). *«Генеральный смотр» дворянства 1721-1723 гг.: история организации и результаты* // История: факты и символы. № 4 (25). С. 167-182.
9. Захаров, А. В. (2015). *Проект информационной системы «Сказки генерального смотра шляхетства 1721-1723 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестов* // Вестник Челябинского государственного университета. № 16. С. 130-139.
10. Захаров, А. В., Фролов, А. А. (2020). *ГИС «Пространственная мобильность шляхетства в эпоху Петра I» в просопографическом исследовании* // Историческая информатика. № 4. С. 206-218.
11. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий)*. М.: изд-во Акад. наук СССР. 231 с.

12. Между домом и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016). / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 504 с.
13. Миронов, Б. Н. (2000). *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: В 2 т. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин. 548 с.
14. Огородников, С. Ф. (1890). *Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении*. СПб.: Типография Морского мин-ва, в Главном Адмиралтействе. 333 с.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп.2. Д. 2029.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 3. Д. 153.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 3. Д. 154.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 3. Д. 167.
19. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 2.
20. Ширле, И. (2012). *Перемена мест: Дворянство в разъездах и в гостях // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева и М. Ширле*. М.: Новое литературное обозрение. С. 598-623.
21. Эрпен, Л. (2012). *Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева и М. Ширле*. М.: Новое литературное обозрение С. 51-88.

References

1. Azizbaeva, R. E. (2013). *Iz zhizni junoshstva v petrovskuju jepohu* [From the life of youth in the Petrine era] in Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. Petrovskoe vremja v licah – 2013: K 400-letiju Doma Romanovyh (1613-2013), t. 70. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 10-18. (in Russian).
2. Balykina, M. I. (2021) *Nedorosl' na smotre: k istorii voinskoj sluzhby v petrovskoe vremja (na primere Nizhegorodskoj gubernii)* [Nedorosl at the review: on the history of military service in Peter's Time (on the example of the Nizhny Novgorod province)] in Istorija: fakty i simvol, 1 (26), 57-63. (in Russian).
3. Vodarskij, Ja. E. (1977). *Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII veka*. [The population of Russia at the end of the XVII - beginning of the XVIII century] Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
4. Volkova, I. V. (2006). *Voennoe stroitel'stvo Petra I i peremeny v sisteme social'nyh ot-noshenij v Rossii* [Military construction of Peter I and changes in the system of social relations in Russia] in Voprosy istorii, 3, 35-51. (in Russian).
5. Gacisskij, A. S. (1886). *Nizhegorodskij letopisec* [Nizhny Novgorod Chronicler]. Nizhnij Novgorod, tipografija Gubernskogo pravlenija. (in Russian).
6. Georgievskij, V. (1896). *Florishheva pustyn'. Istoriko-arheologicheskoe opisanie s ri-sunkami* [Florishchev deserts. Historical and archaeological description with drawings]. Vjazniki, Tipo-litografija S. K. Matreninskogo. (in Russian).
7. Davidenko, D. G. (2006). *Velikovrazhskaja pustyn' v XVII veke* [Velikovrazhskaya desert in the XVII century] in Vestnik cerkovnoj istorii, 3, 208-226. (in Russian).
8. Zaharov, A. V. (2020). «General'nyj smotr» dvorjanstva 1721-1723 gg.: istorija organizacii i rezul'taty [The "General Review" of the nobility of 1721-1723: the history of the organization and the results] in Istorija: fakty i simvol, 4 (25), 167-182. (in Russian).
9. Zaharov, A. V. (2015). *Proekt informacionnoj sistemy «Skazki general'nogo smotra shljahetstva 1721-1723 gg.» v kontekste izuchenija massovyh istochnikov i registov* [The project of the information system "Tales of the general review of gentry 1721-1723" in the context of the study of mass sources and regests] in Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 16, 130-139. (in Russian).

10. Zaharov, A. V., Frolov, A. A. (2020). *GIS «Prostranstvennaja mobil'nost' shljahetstva v jepohu Petra I» v prosopograficheskom issledovanii* [GIS "Spatial mobility of gentry in the era of Peter I" in prosopographic research] in *Istoricheskaja informatika*, 4, 206-218. (in Russian).
11. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.: (Po materialam revizij)* [The population of Russia in the XVIII - first half of the XIX century: (Based on the materials of revisions)]. Moscow, izd-vo Akad. nauk SSSR. (in Russian).
12. *Mezhdum domom i domom. Vozvratnaja prostranstvennaja mobil'nost' naselenija Rossii* (2016). [Between home and home. Recurrent spatial mobility of the Russian population] Pod red. T. G. Nefedovoj, K. V. Averkievoj, A. G. Mahrovvoj. Moscow, Novyj hronograf Publ. (in Russian).
13. Mironov, B. N. (2000). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachaloXX v.): V 2 t. 2-e izd., ispr.* [Social History of Russia during the Empire period (XVIII - early XX century)]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ. (in Russian).
14. Ogorodnikov, S. F. (1890). *Ocherk istorii goroda Arhangel'ska v trgovopromyshlennom otnoshenii* [An essay on the history of the city of Arkhangelsk in commercial and industrial terms]. St. Petersburg, Tipografija Morskogo min-va, v Glavnom Admiraltejstve. (in Russian).
15. Shirle, I. (2012). *Peremena mest: Dvorjanstvo v raz#ezdah i v gostjah* [Change of places: The nobility on the road and on a visit] in *Dvorjanstvo, vlast' i obshhestvo v provincial'noj Rossii XVIII veka*, red. O. Glagoleva i M. Shirle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 598-623. (in Russian).
16. Jerren, L. (2012). *Rossijskoe dvorjanstvo pervoj poloviny XVIII veka na sluzhbe i v pomest'e* [The Russian nobility of the first half of the XVIII century in the service and on the estate] in *Dvorjanstvo, vlast' i obshhestvo v provincial'noj Rossii XVIII veka*, red. O. Glagoleva i M. Shirle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 51-88. (in Russian).